

АКАДЕМИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ¹

Academic Discourse: Theory and Practice²

Людмила Ивановна Богданова

libogdanova1@mail.ru

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
(Москва, Россия)*

Liudmila I. Bogdanova

libogdanova1@mail.ru

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

ISSN: 1698-322X ISSN INTERNET: 2340-8146

Fecha de recepción: 07.03.2018

Fecha de evaluación: 27.11.2018

Cuadernos de Rusística Española nº 14 (2018), 81 - 92

РЕЗЮМЕ

В статье рассматриваются межкультурные различия в академическом дискурсе, приёмы непрямой коммуникации и явление хеджинга, в связи с чем ставится вопрос о практической подготовке аспирантов к эффективной межкультурной коммуникации в академической среде и о формирования коммуникативной компетенции в устной научной речи – в рецептивном и продуктивном аспектах. Данный учебный курс включает три основных раздела, первый из которых направлен на получение необходимых знаний о моделях коммуникации и механизмах её построения. Во втором разделе особое внимание уделяется развитию умений публичных выступлений на основе изучения структуры институционального дискурса и правил аргументации. В третьем разделе изучаются межкультурные различия и этностили научной речи, способы хеджирования и принципы непрямой коммуникации.

Ключевые слова: академический дискурс, межкультурные различия, хеджинг, устная коммуникация, понимание и порождение текстов, проблемы обучения

ABSTRACT

This article discusses intercultural differences in academic discourse, methods of indirect communication, and the phenomenon of hedging. The article deals with theoretical and practical preparation of postgraduate students to the effective intercultural communication in academic area and to the formation of communicative competence in oral scientific speech in receptive and productive aspects. The course includes three main sections. The first section is introductory; it aims to obtaining of necessary knowledge about communication models and the mechanisms of its formation. In the second section the special attention is paid to development of public performance skills on basis of studying of institutional discourse structure and argumentation rules. In the third section intercultural differences, hedging and the genres of oral scientific communication are considered.

Key words: academic discourse; intercultural differences; hedging; oral communication; understanding and production of texts, problems of teaching

1. Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект №17-04-00053 «Перспектив грамматика русского языка для активных речевых действий».
2. The research is financially supported by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), Project № 17-04-00053 «Prospectus of Russian grammar for productive speech activity».

Цель настоящей работы состоит в том, чтобы на основе обобщения научных подходов к изучению дискурса выработать концепцию представления академического дискурса в качестве учебного предмета.

Изучение академического дискурса невозможно без осмысления теоретических проблем современной дискурсологии. Проблема дискурса осознаётся как важная и общественно значимая (Карасик 2002; Larina 2015; Чернявская 2017 и др.), поскольку дискурс нередко понимается не только как часть социальной жизни, но и как инструмент, создающий социальную жизнь (Fairclough 2003: 124; Calsamiglia Blancafort, Tuson Valls 2007; Леонтович 2017: 252).

Богатую и разнообразную область исследования представляют собой такие междисциплинарные направления, как дискурс-анализ (Fairclough 2003; Понтон, Ларина 2016) и дискурсивные практики (Понтон, Ларина 2017: 16-17; Иванова 2017 и др.).

Многие исследования, посвящённые взаимодействию понятий “текст” и “дискурс”, связаны с динамическим подходом к тексту и текстовой деятельности (Чернявская 2017; Богданова 2016 и др.). Особенно активно дискурс исследуется в связи с важной для современного общества проблемой национальной идентичности (Дубровская 2015; Ларина, Озюменко 2016; Леонтович 2017; Zappettini 2017; Sousa 2017 и др.).

Последнее время дискурс интенсивно рассматривается в различных сферах коммуникации. Широко представлены следующие дискурсы: финансовый (Чугунов 2014), дипломатический (Беляков 2015), рекламный (Борисова, Рубинштейн 2015), политический (Горностаева 2014; Штанов, Белых 2016), медийный (Озюменко 2017), академический (педагогический, дидактический, научный) дискурс (Бурмакина 2010; Ежова 2007; Ветрова 2012; Чернявская 2017).

Многими учёными базисным элементом мировидения признаётся картина мира, уподобляемая «призме, сквозь которую преломляется мир» (Щирова 2017: 366). Картина мира, формируемая человеческим познанием, передаётся от поколения к поколению, претерпевая изменения, зависящие от развития общества. Картина мира служит основой поведения человека, во многом определяя правила общения, в том числе и в сфере образования и науки.

На современном этапе развития общества проблема эффективности межкультурного взаимодействия в различных социальных сферах является особенно актуальной. Её решение во многом зависит от установления соответствий между коммуникативными ценностями культур, находящихся в контакте в условиях межкультурной коммуникации. В данном контексте сфера научного сотрудничества представляется одной из областей, где задачу создания условий для эффективного межкультурного общения можно считать первоочередной. Решение этой задачи достигается, на наш взгляд, за счёт изучения универсальных и этнокультурных черт научного общения, что в итоге должно привести к выявлению и описанию национальных стилей коммуникации в сфере науки и образования.

Настоящая работа основывается на идее коммуникативного подхода к слову, берущей начало в трудах М.М. Бахтина, утверждавшего, что диалогический контекст не имеет границ, а гуманитарная мысль рождается как мысль о чужих мыслях, волеизъявлениях, выражениях (Бахтин 1986: 297). На современном этапе

диалогический подход нашёл развитие в ряде исследований, в частности, в трудах Иштвана Кечкеша по прагматике (Kecskes 2016). Именно диалогичность в обучении академическому общению нужно, на наш взгляд, инкорпорировать в учебный процесс.

Академическое общение понимается в данной работе расширенно. Это не только совокупность различных форм профессионального общения учёных (публикации статей и материалов докладов, международные конференции, защиты диссертаций и пр.), но и коммуникация в сфере образования между преподавателем и студентом. В настоящее время осознаётся необходимость включения в учебные программы предметов, способных обучать правилам общения в академической среде.

В.Е. Чернявская, рассматривая цели и задачи коммуникации в сфере науки, отмечает, что «научная коммуникация имеет в качестве своей универсальной цели отражение с помощью текстов коллективных процессов человеческого познания» (Чернявская 2017: 13), при этом научный текст можно считать своего рода вербализованной формой знания, имеющей этнокультурную специфику. Так, сравнение научных текстов на немецком и английском языках показывает, что для немецкоязычных авторов характерна монологичность изложения, а для англо-саксонского научного стиля – диалогичность и толерантность по отношению к автору (Чернявская 2017: 166-167).

Стратегия создания научного текста опирается на иллюкативную силу субъекта познания, автора текста. Авторская энергия реализуется в стремлении следовать определённым коммуникативным стандартам, что обусловлено потребностью субъекта быть наилучшим образом понятым в типичных ситуациях научного общения, в том числе и межкультурного. Таким образом, проблема понимания / непонимания является одной из наиболее важных в академическом общении. Казалось бы, в научной межкультурной коммуникации проблему понимания можно решить с помощью английского языка, поскольку в XXI веке обсуждение проблемы лингва франка, языка международного общения в сфере науки, становится особенно интенсивным. Лингва франка, развиваясь на базе английского языка, отличается от него по ряду параметров. Однако, как показывают исследования в области коммуникативистики, помехи в межкультурном академическом общении могут произойти не только и даже не столько вследствие разного уровня владения английским языком, а по причине разницы в коммуникативных стратегиях авторов научных исследований (Ветрова 2012, Larina 2015, Богданова 2017).

Эффективность обучения академическому общению зависит от установления межкультурных различий в стратегиях текстопорождения. Несовпадение коммуникативных стратегий производителя научного текста и его получателя (автора и читателя) может создать предпосылки для искажённого понимания. Неполное понимание, в свою очередь, нередко приводит к неправильной оценке научных результатов, полученных учёными. В связи с этим необходимо в процессе обучения научному общению обратить внимание на явление хеджинга, в рамках которого частично реализуется идея некатегоричности высказывания.

Хеджинг (*hedging* – букв. ‘отгораживание’, ‘отделение’) впервые попал в поле зрения лингвистики в середине 60-х годов XX века – сначала благодаря У. Вайнрайху, который назвал «смягчители» металингвистическими операторами, затем хеджи были описаны более подробно Дж. Лакоффом, который определял их как слова или

фразы, функция которых состоит в том, чтобы дистанцироваться, уйти от прямого высказывания и представить вещи неоднозначно. В его концепции хедж – слово, придающее значению ту или иную степень «размытости». В комплекс средств хеджинга входят всевозможные способы создания некатегоричности суждения (неопределенность, митигация, понимаемая как смягчение, преуменьшение и т.п.). Лакофф отметил, что интерпретация хеджей (*real, actually, almost, especially...*) зависит от контекста (Lakoff 1972: 17-18). Б. Фрейзер, исследуя модальные и полумодальные единицы и их иллокутивную силу, предложил теорию “Hedged Performatives”, «смягчённых» (ограниченных) перформативов, которые обладают способностью «освободить» говорящего от некоторой ответственности за сказанное (Fraser 1980: 345).

В современных исследованиях явление хеджинга частично связывают со стратегией *толерантности* (лат. *tolerans, tolerantis* – букв. ‘терпеливо переносящий’), понимаемой в русском языке в основном значении как ‘терпимость, снисходительность к кому-чему-н.’ (Крысин 2005). По-видимому, такое общее понимание толерантности не может быть в полной мере результативным применительно к академическому дискурсу. Как стратегию моделирования гармоничного научного общения толерантность скорее всего следует рассматривать в двух планах: 1) как способность встать на позицию Другого и принимать его идеи непредвзято; 2) как умение не навязывать свою точку зрения как единственно верную. В таком расширенном понимании, на наш взгляд, толерантность может обеспечиваться с помощью средств хеджирования, снижающих категоричность высказывания как при самопрезентации, так и при презентации позиции Другого. Ср. *Я не разделяю Вашу позицию. – Ваша позиция (при всех её достоинствах) не кажется мне абсолютно бесспорной*, где перенос основного отрицания в модусную часть высказывания смягчает его, что тем самым демонстрирует толерантность говорящего. Стратегия речевой самопрезентации связана с убеждением адресата. В традициях научного общения на русском языке она наиболее уязвима с точки зрения толерантности: чтобы убедить партнёра по научной коммуникации, надо доказать свою правоту, при этом желание убедить – без модификаторов, снижающих категоричность (*как представляется, кажется, возможно, по-видимому*), – может выглядеть как агрессивная эго-демонстрация. Представление научной концепции Другого также может оказаться недостаточно толерантным в русском научном общении, поскольку форма презентации нередко оказывается под воздействием таких признанных русских ценностей, как прямота и склонность к оценочным суждениям. Хотя проблема толерантности рассматривалась в том или ином аспекте в ряде лингвистических работ (Котюрова 2002, Чернявская 2017 и др.), но единства в трактовке этого сложного, неоднозначного понятия применительно к академическому дискурсу пока не наблюдается. Стратегия толерантности, реализуемая в различных сферах научного общения, в том числе и с помощью хеджей, нуждается в дополнительном исследовании.

В рассматриваемом аспекте хеджинг коррелирует также с минимизацией речевых конфликтов (Ханбутаева 2016), с эпистемической модальностью. Так, В.М. Глушак отмечает, что эпистемические языковые средства являются модальными модификаторами речевого поведения, способными сообщать об усилении или об

ослаблении воздействующего эффекта, производимого говорящим, а также о его намерении пойти на сближение с адресатом или на дистанцирование от него. Многие единицы языка, попадая в парадигму взаимодействия коммуникантов, способны смещать акценты для маркирования речевого поведения в определенном модусе. К наиболее частотным языковым средствам, выступающим в роли модальных модификаторов, относятся модальные наречия, частицы, модальные глаголы, вводные предложения, средства выражения персональности и обращенности, метакоммуникативные средства, а также различные паралингвистические средства: паузы, перебивания, мена коммуникативных ролей, темп речи, громкость голоса и др. (Глушак 2008: 16-18).

В рамках академического общения хеджинг следует понимать как «лингвистический ресурс, который передаёт фундаментальные характеристики науки: сомнение и скептицизм» (Ветрова 2012). В силу разных коммуникативных стратегий различные приёмы хеджирования, представленные в оригинальном англоязычном научном тексте, могут быть основанием для ложного восприятия зарубежным читателем результатов представленного исследования. Носитель другой культуры (например, русскоязычной культуры) нередко усматривает в некатегоричной стратегии изложения материала неуверенность автора в правильности своих воззрений и научных результатов (неслучайно хеджи называют «индикаторами неуверенности»).

Зарубежные коллеги, в свою очередь, нередко упрекают русскоязычных авторов в излишней категоричности. Так, О.Г. Ветрова описывает ситуации, когда на зарубежных международных конференциях молодые и даже зрелые учёные из России, выступая на английском языке, бессознательно игнорируют приёмы хеджинга, что вызывает недоумение у аудитории (Ветрова 2012). Отсутствие смягчителей придаёт речи характер угрозы в восприятии иностранных учёных (Ханбутаева 2016: 39). Представление о категоричности и даже агрессивности русских учёных во многом складывается из-за меньшего количества модальных «смягчителей» в их речи на русском языке, и эта особенность, вследствие интерференции, переносится на английский язык.

Обучение различным приёмам, связанным со стратегиями текстопорождения, позволяет увидеть, что, наряду с некатегоричностью утверждений, англоязычные авторы, избегая прямого давления на реципиента, реализуют в своих научных текстах стратегии взаимодействия, сотрудничества с читателем, для чего в статьях и докладах используются разнообразные способы косвенного коммуникативного воздействия на адресата, обладающие действенной силой убеждения. Расчёт на адресата, адресованность англоязычных научных текстов можно считать их конституирующим признаком.

Выступления в академической среде нередко содержат не только научную информацию, но и сообщение об отношении автора к этой информации. Для противопоставления мнения и знания существуют специальные конструкции типа *по-моему, как мне кажется, я думаю, что* и др. Стоит отметить, что «формальное подчёркивание категоричности и бескомпромиссности своей позиции» и в русском научном дискурсе далеко не всегда лучший способ убедить своего оппонента (Милославский 2015: 91). Стратегии русскоязычных учёных тем не менее в значительной степени отличаются от стратегий их зарубежных коллег, что проявляется,

прежде всего, в стремлении максимально «объективировать» текст, «вывести» из него автора и читателя. Это достигается за счёт высокой частотности пассивных и безличных конструкций в русских научных текстах, устранения из текста личных местоимений *я*, *ты* и *вы*. При этом следует отметить, что использование личного местоимения *мы* и его производных (*наш*) достаточно частотно в русских текстах, что, по-видимому, должно подчёркивать коллективный характер научного творчества и, возможно, изначально могло указывать на личную скромность автора. То же самое наблюдается «при выражении субъективной модальности: вместо акцентирования собственного мнения (*I think, I believe, I suppose, I suggest...*) носители русского языка предпочитают безличные *думается, представляется, можно предположить...*» (Ларина, Озюменко 2016: 63).

Предотвратить возможные неудачи в межкультурном академическом общении может, на наш взгляд, изучение приёмов непрямого общения в научной сфере (Дементьев 2006, Марюхин 2008). Проблема непрямого общения активно разрабатывается в русле когнитивной лингвистики, где процесс взаимодействия коммуникантов связывают с особым типом человеческого мышления, реализующемся в умении говорить некатегорично. Данный подход позволяет рассматривать непрямую коммуникацию как одно из средств манипуляции и мистификации, например, в политическом дискурсе, где с помощью не прямых, уклончивых высказываний производится так называемый «reframing» (перефокусировка, смещение акцентов). В академическом дискурсе не прямая коммуникация может выступать, с одной стороны, как речевая стратегия дистанцирования и непрямого воздействия на аудиторию, с другой стороны, как стратегия «сохранения лица адресата».

Сейчас всё более очевидна связь продуктивности коммуникации и ценностей, «способности ... создавать продуктивные сообщества, создавать дискурс» (Киселева 2016: 196). В контексте современных вызовов, обусловленных изменением базовых подходов к организации образовательного процесса, роль осознанного отношения к академическому общению постепенно повышается. В этой связи считаем необходимым включение в университетские учебные программы предметов, способных обучать академической текстовой деятельности в устной и письменной разновидностях. «Подход, связанный с изучением процессов понимания и порождения текстов разных типов и жанров, имеет непосредственный выход в практику преподавания языков» (Богданова 2016: 9). Учитывая важность межкультурных различий в сфере научных исследований, считаем необходимым сделать межкультурные различия в научной коммуникации предметом специального изучения. Так, в частности, учебный курс «Устная коммуникация в сфере образования и науки», читаемый в рамках аспирантуры в МГУ имени М.В. Ломоносова, имеет целью теоретическую и практическую подготовку аспирантов к эффективной коммуникации в академической среде на основе изучения общей теории коммуникации и формирования коммуникативной компетенции в научной речи в рецептивном и продуктивном аспектах. В задачи дисциплины входит не только усвоение правил аргументации, реализуемых в устном научном общении, но и формирование умений выявлять универсальное и национально-специфическое в академическом дискурсе, углубление знаний в области теории коммуникативных неудач и развитие умений избегать конфликтов в речевой практике.

Композиция данного курса предполагает три основных раздела. Первый раздел «Общие проблемы теории научной коммуникации» является вводным, он направлен на получение необходимых знаний о моделях коммуникации, о механизмах её построения, о роли теории речевых актов для эффективной коммуникации. Во втором разделе «Структура научного дискурса и специфика её реализации в устной научной коммуникации» особое внимание уделяется развитию умений публичных выступлений на основе изучения структуры институционального дискурса, правил аргументации, роли субъекта и адресата в коммуникации, механизмов понимания и порождения текстов, их роли в процессе речевого общения. В третьем разделе «Типология устной научной коммуникации» изучаются этностили научной речи, средства не прямой коммуникации и способы хеджирования; рассматриваются коммуникативные качества устного научного общения, его лексические и грамматические особенности, изучаются жанры устной научной и научно-образовательной коммуникации и их культурно обусловленные характеристики. Аспиранты получают возможность развивать умения вести научную дискуссию, что представляется особенно важным, поскольку «в ситуации, когда люди не хотят и не умеют полемизировать, падает не только авторитет риторики, но и авторитет культуры» (Хазагеров 2017: 357). Именно поэтому необходимо, чтобы учебный курс данной направленности способствовал повышению полемической культуры учащихся, формировал умения противостоять манипулятивному воздействию в устной коммуникации, учил избегать возможных коммуникативных ошибок в межкультурном академическом общении.

В результате освоения данной дисциплины аспирант должен знать основные понятия теории коммуникации, теорию речевых актов, теорию коммуникативных неудач, основы речевой конфликтологии, теорию аргументации, правила ведения научной дискуссии, систему средств речевого воздействия. В комплекс умений должны входить умения анализировать коммуникативную ситуацию, выявляя ее проблемные моменты; четко определять цели в устной научной коммуникации и выбирать оптимальные языковые средства, ведущие к их реализации; оценивать научный дискурс с точки зрения адекватности воплощения научной идеи с помощью языковых средств. Учащиеся должны творчески применять полученные знания на практике, оптимизировать конфликтные коммуникативные ситуации, возникающие в сферах образования и науки; выявлять универсальные и национально-специфические черты научной коммуникации, владея при этом приёмами создания собственных произведений устной научной и учебно-научной коммуникации (разных стилей и жанров) в соответствии с задачами и условиями научного общения.

Большая роль в овладении правилами эффективного общения отводится самостоятельной работе учащихся. К заданиям для самостоятельной работы можно отнести подготовку сообщений на следующие темы: «Русский и английский стиль научной коммуникации»; «Испанский и русский научный дискурс: черты сходства и различия»; «Учебно-научные тренинги как объект коммуникативистики»; «Глобальная сеть как новое научное коммуникативное пространство» и др.

Для проверки умений и владений в сфере академического общения можно предложить задания такой направленности:

- 1) Проанализируйте фрагмент научной дискуссии, оцените её эффективность с точки зрения воздействия на адресата и корректности аргументации.
- 2) Проанализировав лексико-грамматические характеристики диалога, сделайте необходимые трансформации, чтобы: а) смягчить категоричность высказываний, б) убрать «размытость» реплик, сделать их более конкретными и чёткими, в) исключить «слабые» аргументы из системы доказательств коммуникантов.
- 3) Выразите несогласие с научной позицией собеседника, используя разные речевые приёмы, в том числе и средства эвфемизации высказывания.
- 4) Раскройте содержание термина (из сферы ваших научных интересов) разным адресатам, используя различные языковые средства и речевые стратегии:
 - экзаменатору
 - товарищу (аспиранту)
 - школьнику.
- 5) Исправьте неточные дефиниции из ряда предложенных, объясните ваш выбор.
- 6) Оцените доклад вашего товарища (аспиранта) по ряду предложенных параметров (наличие / отсутствие визуального контакта, диалогичность, логика изложения, наличие «магнита» и др.).
- 7) В устном сообщении о предполагаемом научном открытии постарайтесь заинтересовать потенциальных инвесторов. Объясните, чем был вызван тот или иной выбор языковых средств.

В заключение следует отметить, что эмпирические наблюдения, а также изучение и обобщение теоретических проблем, связанных с академическим дискурсом, позволили сформировать концепцию построения учебного курса по обучению академическому общению, основное назначение которого видится в формировании умений понимать имплицитные и эксплицитные смыслы, а также результативно продуцировать речевые произведения в условиях межкультурной научной коммуникации.

БИБЛИОГРАФИЯ

- CALSAMIGLIA BLANCAFORT, H., TUSON VALLS, A. (2007): *Las cosas del decir*. Ariel linguística. Barcelona.
- FAIRCLOUGH, N. (2003): *Analyzing Discourse*. Routledge. New-York.
- FRASER, B. (1980): “Conversational mitigation”. *Journal of Pragmatics*. 4. Pp. 341-350.
- KECSKES, I. (2016): “A Dialogic Approach to Pragmatics”. *Russian Journal of Linguistics*. V. 20 (4). Pp. 26-42.
- LAKOFF, G. (1972): *Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts*. Chicago. Pp. 183-228.
- LARINA, T. (2015): “Culture-Specific Communicative Styles as a Framework for Interpreting Linguistic and Cultural Idiosyncrasies”. In *International Review of Pragmatics*, V. 7, number 5. Pp. 195–215.

- SOUSA, A. (2017): "A Discourse-Based View in Interdisciplinary Approaches to Fictional Text Analysis". *Russian Journal of Linguistics*. V. 21 (2). Pp. 390-404.
- ZAPPETINI, F. (2017): "Transnationalism as an Index to Construct European Identities: an Analysis of 'Transeuropean' Discourses". *Russian Journal of Linguistics*. V. 21 (2). Pp. 260-281.
- БАХТИН, М.М. (1986): *Эстетика словесного творчества*. Искусство. Москва.
- БЕЛЯКОВ, М.В. (2015): "Характер эмотивности дипломатического дискурса". *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. №2. С. 124-132.
- БОГДАНОВА, Л.И. (2016): "Текст и дискурс: в поисках выхода из лабиринта". *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. Т. 20. №3. С. 7-30.
- БОГДАНОВА, Л.И. (2017): Проблемы коммуникации в образовании и науке. В кн.: *Коммуникация в политике, бизнесе и образовании*. Изд. Московского университета. Москва. С. 82-85.
- БОРИСОВА, А.С., РУБИНШТЕЙН, К.Е. (2015): "Прагматика эмоций в современном рекламном дискурсе (на материале французского языка)". *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. №2. С. 133-147.
- БУРМАКИНА, Н.Г. (2010): Академический дискурс в теории институциональных дискурсов. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://study-english.info/article051.php>
- ВЕТРОВА, О.Г. (2012): Культура научного общения: хеджинг в академическом дискурсе. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.gisap.eu/ru/node/5638>
- ГЛУШАК, В.М. (2008): "Хеджинг как одно из составляющих эпистемической модальности". В кн.: *Язык и коммуникация в контексте культуры*. Рязанский государственный университет. Рязань. С. 16-18.
- ГОРНОСТАЕВА, А.А. (2014): "Ирония в политическом дискурсе: агрессия или развлечение?" *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. №3. С. 64-74.
- ДЕМЕНТЬЕВ, В.В. (2006): *Непрямая коммуникация: монография*. Гнозис. Москва.
- ДУБРОВСКАЯ, Т.В. (2015): 'I Was the First Westerner, The Only English Person': дискурсивное конструирование национальной идентичности. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. №2. С. 25-40.
- ЕЖОВА, Т.В. (2007): "Педагогический дискурс и его проектирование". Интернет-журнал *Эйдос*. Режим доступа: <http://www.eidos.ru/journal/2007/0930/5.htm>
- ИВАНОВА, С.В. (2017) "Актовая речь как гибридная полидискурсивная практика". *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. Т. 21. №1. С. 141-160.
- КАРАСИК, В.И. (2002): *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. Перемена. Волгоград.
- КИСЕЛЕВА, А.А. (2016): *Продуктивная коммуникация. Лингвистика результативности*. Гуманитарный центр. Харьков.
- КОТЮРОВА, М.П. (2002): "Научная коммуникация и толерантность": www.rastko.rs
- КРЫСИН, Л.П. (2005): *Толковый словарь иноязычных слов*. Эксмо. Москва.

- ЛАРИНА, Т.В., ОЗЮМЕНКО, В.И. (2016): “Этническая идентичность и её проявление в языке и коммуникации”. *Cuadernos de Rusística Española*. №12. С. 57 – 68.
- ЛЕОНТОВИЧ, О.А. (2017): “Зеркало, в котором каждый показывает свой лик”: дискурсивное конструирование идентичностей”. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. Т. 21. №2. С. 247-259.
- МАРЮХИН, А.П. (2008): “Явления непрямой коммуникации в современных языках (русском, английском, немецком)”. *Сибирский филологический журнал*. №3. С. 192-196.
- МИЛОСЛАВСКИЙ, И.Г. (2015): *Русский язык на каждый день и навсегда*: монография. ИД «КДУ». Москва.
- ОЗЮМЕНКО, В.И. (2017): “Медийный дискурс в ситуации информационной войны: от манипуляции – к агрессии”. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. Т. 21. №1. С. 203-220.
- ПОНТОН, Д., ЛАРИНА, Т.В. (2016): “Дискурс-анализ в 21 веке: теория и практика (I)”. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. Т. 20. №4. С. 7-25.
- ПОНТОН, Д., ЛАРИНА, Т.В. (2017): “Дискурс-анализ в 21 веке: теория и практика (II)”. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. Т. 21. №1. С. 7-21.
- ХАЗАГЕРОВ, Г.Г. (2017): Коммуникативная культура в свете противопоставления полемического и проповеднического начал. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. Т. 21. №2. С. 348-361.
- ХАНБУТАЕВА, Л.М. (2016): “Хеджинги в процессе речевого акта”. *European journal of literature and linguistics*. №1. С. 39-43.
- ЧЕРНЯВСКАЯ, В.Е. (2017): *Коммуникация в науке: нормативное и девиантное. Лингвистический и социокультурный анализ*. Либроком. Москва.
- ЧУГУНОВ, А.А. (2014): “Аллюзии и цитаты как средство репрезентации эмоций в русскоязычном и англоязычном финансовом дискурсе”. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. №3. С. 97-105.
- ШТАНОВ, А.В., БЕЛЫХ, Е.Н. (2016): “Особенности реализации образности в турецком политическом дискурсе устного публичного выступления”. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. Т. 20. №3. С. 152-163.
- ЩИРОВА, И.А. (2017): “Текст как элемент интеграционного научного пространства”. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. Т. 21. №2. С. 362-378.

BIBLIOGRAPHY

- BACHTIN, M.M. (1986): *Estetika slovesnogo tvorчества*. Iskusstvo. Moskva.
- BELIAKOV, M.V. (2015): Charakter emotivnosti diplomatskogo diskursa. *Russian Journal of Linguistics*. #2. S. 124-132.
- BOGDANOVA, L.I. (2016): Text and Discourse: Looking for a Way out of the Labyrinth. *Russian Journal of Linguistics*. V. 20 (3). Pp. 7-30.

- BOGDANOVA, L.I. (2017): "Problemyi kommunikatsii v obrazovanii i nauke". V kn.: *Kommunikatsiya v politike, biznese i obrazovanii*. Izd. Moskovskogo universiteta, Moskva. S. 82-85.
- BORISOVA, A.S., RUBINSHTEYN, K.E. (2015): Pragmatika emotsiy v sovremennom reklamnom diskurse (na materiale frantsuzskogo yazyika). *Russian Journal of Linguistics*, 2, 133-147.
- BURMAKINA, N.G. (2010): Akademicheskii diskurs v teorii institutsionalnykh diskursov. [Elektronnyy resurs] Rezhim dostupa: <http://study-english.info/article051.php>
- CALSAMIGLIA BLANCAFORT, H., TUSON VALLS, A. (2007): *Las cosas del decir*. Ariel linguistica. Barcelona.
- CHERNYAVSKAYA, V.E. (2017): *Kommunikatsiya v nauke: normativnoe i deviantnoe. Lingvisticheskii i sotsiokulturnyy analiz*. Librokom. Moskva.
- CHUGUNOV, A.A. (2014): Allyuzii i tsitaty kak sredstvo reprezentatsii emotsiy v russkoyazyichnom i angloyazyichnom finansovom diskurse. *Russian Journal of Linguistics*, 3, 97-105.
- DEMENT'EV, V.V. (2006): *Nepryamaya kommunikatsiya: monografiya*. Gnozis, Moskva.
- DUBROVSKAYA, T.V. (2015): 'I Was the First Westerner, The Only English Person': diskursivnoe konstruirovaniye natsionalnoy identichnosti. *Russian Journal of Linguistics*, 2, 25-40.
- EZHOVA, T.V. (2007): Pedagogicheskii diskurs i ego proektirovaniye. Internet-zhurnal *Eydos*. Rezhim dostupa: <http://www.eidos.ru/journal/2007/0930/5.htm>
- FAIRCLOUGH, N. (2003): *Analyzing Discourse*. Routledge. New-York.
- FRASER, B. (1980): "Conversational mitigation". *Journal of Pragmatics*, 4. Pp. 341-350.
- GLUSHAK, V.M. (2008): "Hedzhing kak odno iz sostavlyayuschih epistemicheskoy modalnosti". V kn.: *Yazyik i kommunikatsiya v kontekste kulturyi*. Ryazanskiy gosudarstvennyy Universitet. Ryazan. Pp. 16-18.
- GORNOSTAEVA, A.A. (2014): Ironiya v politicheskom diskurse: agressiya ili razvlechenie? *Russian Journal of Linguistics*, 3. Pp. 64-74.
- IVANOVA, S.V. (2017) Aktovaya rech kak gibridnaya polidiskursivnaya praktika. *Russian Journal of Linguistics*, V. 21 (1), 141-160.
- KARASIK, V.I. (2002): *Yazyikovoy krug: lichnost, kontseptyi, diskurs*. Peremena. Volgograd.
- KECSKES, I. (2016): "A Dialogic Approach to Pragmatics". *Russian Journal of Linguistics*, V. 20 (4). Pp. 26-42.
- KHANBUTAeva, L.M. (2016): Hedjingi v processe rechevogo akta. *European journal of literature and linguistics*, №1. S. 39-43.
- KHAZAGEROV, G.G. (2017): Kommunikativnaya kul'tura v svete protivopostavleniya polemicheskogo i propovednicheskogo nachal. *Russian Journal of Linguistics*, V. 21 (2), 348-361.
- KISELEVA, A.A. (2016): *Produktivnaya kommunikatsiya. Lingvistika rezultativnosti*. Gumanitarnyy tsentr. Har'kov
- LAKOFF, G. (1972): *Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts*. Chicago. Pp. 183-228.
- LARINA, T. (2015): "Culture-Specific Communicative Styles as a Framework for Interpreting Linguistic and Cultural Idiosyncrasies". In *International Review of Pragmatics*, V. 7, number 5. Pp. 195-215.

- LARINA, T.V., OZYUMENKO, V.I. (2016). Jetnicheskaja identichnost' i ejo projavlenie v jazyke i kommunikacii. *Cuadernos de Rusística Española*, 12, 57 – 68. (In Russ).
- LEONTOVICH, O.A. (2017): “A Mirror in which Everyone Displays their Image”: Identity Construction in Discourse. *Russian Journal of Linguistics*. V. 21 (2). Pp. 247-259.
- MARYUHIN, A.P. (2008): Yavleniya nepryamoy kommunikatsii v sovremennyih yazyikah (russkom, angliyskom, nemetskom). *Sibirskiy filologicheskij jurnal*, 3, 192-196.
- MILOSLAVSKIY, I.G. (2015): *Russkiy jazyk na kazhdy den' I navsegda*. KDU. Moskva.
- OZYUMENKO, V.I. (2017): Mediyniy diskurs v situatsii informatsionnoy voyny: ot manipulyatsii – k agressii. *Russian Journal of Linguistics*. V. 21 (1), 203-220.
- PONTON, D., LARINA, T.V. (2016): Discourse-Analysis in the 21 Century: Theory and Practice (I). *Russian Journal of Linguistics*. V. 20 (4). Pp. 7-25.
- PONTON, D., LARINA, T.V. (2017): Discourse-Analysis in the 21 Century: Theory and Practice (II). *Russian Journal of Linguistics*. V. 21 (1). Pp. 7-21.
- SCHIROVA, I.A. (2017): Tekst kak element integratsionnogo nauchnogo prostranstva. *Russian Journal of Linguistics*. V. 21 (2), 362-378.
- SHTANOV, A.V., BELYIH, E.N. (2016): Osobennosti realizatsii obraznosti v turetskom politicheskom diskurse ustnogo publichnogo vystupleniya. *Russian Journal of Linguistics*. V. 20 (3), 152-163.
- SOUSA, A. (2017): “A Discourse-Based View in Interdisciplinary Approaches to Fictional Text Analysis”. *Russian Journal of Linguistics*. V. 21 (2). Pp. 390-404.
- VETROVA, O.G. (2012): Kultura nauchnogo obscheniya: hedzhing v akademicheskom diskurse [Elektronnyiy resurs] Rezhim dostupa: [http:// www.gisap.eu/ru/node/5638](http://www.gisap.eu/ru/node/5638)
- ZAPPETINI, F. (2017): “Transnationalism as an Index to Construct European Identities: an Analysis of ‘Transeuropean’ Discourses”. *Russian Journal of Linguistics*. V. 21 (2). Pp. 260-281.